

Аркадий БУХОВ.

Начинающие

Их тысячи.

Это они посылают в редакции нежные лирические стихи, рецензии о вчерашних спектаклях, в литературные журналы -- статьи о немощных улицах.

Это первые плоды их вдохновения, первые стремления попасть в литературу... Каждый день редакционный работник горами сваливает их на редакторский стол для того, чтобы завтра снова убрать со стола и сложить их в дальний ящик вместе с газетными вырезками.

Это -- начинающие.

Каждый из них удивительно индивидуален, у каждого уже своя манера письма, свои захваты тем, свои требования к стилю и, главным образом, к редакции, которую они осчастливили присылкой толстой рукописи или стихотворения на разлинованном обрывке.

Попробуйте прочитать их. И редакция представится вам огромным моргом, на одном из столов которого так уютно лежать. Они пишут стихи.

Каждое стихотворение обязательно посвящено "Ксении М.", "Александре П.", если не прямо "Катерине Николаевне Манухиной с семейством".

Стихи всегда бьют по голове изысканностью рифмы и содержания.

Плывет по облаку луна,

Уснул и дремлет старый сад,

Уж покатила с неба звезда,

А я весь мучительной скорбью объят.

Часто с легкой руки литературных акробатов, начинающие полны поэтической экзотики.

Когда начинающие присылают сорокадвухстраничную повесть из личной жизни или переживаний, нужно быть ангелом для того, чтобы не только до конца, но даже до середины прочесть печальный рассказ о том, как:

"Арсений подошел к окну, которое было раскрыто к той стороне, которая выходила в сад, который сладко дремал под ясным небом, которое плакало крупными слезами, которые капали вниз". Хуже, если начинающий изыскан. Тогда он непременно ищет образные и красивые сравнения:

"Ариадна прошла мягкая и стальная, как падающая зебра в далекой Африке. У нее была крикливая, как агат, шея, длинные, похожие на норвежский рыбацкий челн, ресницы, а все лицо ее, по своему одухотворению, напоминало карабин мексиканца".

Еще хуже, если начинающий приходит в редакцию. Большей частью он робок. Войдя в прихожую, волнуется и здоровается за руку со сторожем, принимая его за секретаря редакции. Рукопись передает случайно забежавшему метранпажу; вместо приемной нелепо тычется в комнату художника и в конце концов дожидаться редактора садится в комнате у переводчицы, мешая ей своим разговором.

Когда его вводят в редакторский кабинет, эту святая святых каждого начинающего, он дрожащей рукой передает редактору вместо своего стихотворения старое письмо или кусок счета от обойного мастера.

Требуя чтения рукописи он сейчас же, хотя бы это заставило редактора три дня находиться без питья, без пищи, без разумных развлечений в виде сна и свежего воздуха.

Объяснить начинающему, что его стихотворение или рукопись не подходит -- просто нельзя. Надо сначала в продолжение сорока минут втолковать ему, что он до ужаса талантлив, что у него должны быть гениальные родители, что у него на черепе такие же шишки, как у Льва Николаевича Толстого, что он, безусловно, затмит всех современников своим дарованием, но что именно вот эта рукопись, которую он сейчас только что принес, -- скверная.

Попробуйте объяснить ему, что "игла и сковорода" не рифмы или что совершеннейшая несообразность, если героиня повести, предварительно повесившись, бежит бросаться в воду с крутого скалистого обрыва, -- он не поймет.

У него от незаслуженной обиды затрясутся руки, он слезливо заморгает и, как оплеванный, уйдет из вашего кабинета. В передней будет тыкать ногами в чужие калоши; шляпу он будет держать в руках, хотя еще за полчаса до этого был твердо уверен, что это нехитрое изобретение какого-то досужего человека приспособлено для надевания на голову.

-- Эх, -- будет шептать он, -- вот они где, ценители! Не рифма, говорит... Мерзавцы!